

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ПРЕПОДАВАНИЯ БУРЯТСКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ

БУРЯД ХЭЛЭ БОЛОН УРАН ЗОХЁОЛ ЗААЛГЫН ТЕОРЕТИЧЕСКЭ ҮНДЭНЭ ЫУУРИ

Научная статья
УДК 81'22
DOI 10.18101/3033-1310-2024-2-3-15

ОТ СЕМИОТИКИ ЯЗЫКА-КУЛЬТУРЫ К РАЗВИТИЮ ИНТЕЛЛЕКТА. ПРИМЕНИМ КОНЦЕПЦИЮ ЮРИЯ ЛОТМАНА?

© Дашинамаева Полина Пурбуевна

доктор филологических наук, профессор,
Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова
Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
pdash@bsu.ru

Аннотация. Цель данной статьи — представить видение Ю. М. Лотмана на культуру как физико-психологический семиотический ракурс языка и проиллюстрировать концепцию материалом из бурятского языка-культуры. Ученый формулирует свою концепцию в работе «Феномен культуры» не в виде обобщений семиотической деятельности извне, а заходя вовнутрь сознания мыслящего устройства. Тезисы, формирующие суть теории, последовательно излагаются в выделенных автором обзора шести разделах. Согласно точке зрения Лотмана, язык одного человека моделирует культуру как индивидуальное сознание с противоборствующими Я-личностями и недостатком познания, однако недостающие сведения обретаются в интеракции с другим и, далее, в коллективном интеллекте. Автор статьи соглашается с концепцией Ю. Лотмана, что только активные ментальные усилия порождают и формируют сложное мышление, т. е. интеллект, и опосредованно адресует соответствующее пожелание обучающимся. Подтверждения релевантности постулатов теории иллюстрируются бурятскими контекстами, которые эксплицируют культ прошлого и не критичное к нему отношение, в частности, в аспекте восприятия времени-природы-пространства, демонстрируя тем самым язык как культуру именно в понимании Лотмана.

Ключевые слова: язык, сообщение, сознание, мышление — мыслящий, интеллект, индивидуальный, надындивидуальный, культура.

Для цитирования

Дашинамаева П. П. От семиотики языка-культуры к развитию интеллекта. Применим концепцию Юрия Лотмана // Бурятский язык и литература в школе. 2024. Вып. 2. С. 3–15.

Введение

Как известно, причиной стремительного видоизменения внешне обозреваемого окружающего мира являются ненаблюдаемые, потому плохо формализуемые, смены когнитивных схем индивидуумов. Иначе говоря, физические сценарии

поведения вызваны их ментальными основами, которые при встрече с языковыми знаками образуют далеко не однозначные соответствия. В науке попытка раскрыть тайнства естественного семиозиса (речемыслительного процесса) традиционно связывается с изучением процесса познания в целом — практики, исчисляющейся последними 250 годами любознательного и пытливого ума Homo Sapiens.

В российской науке когнитология признана, т. е. зарегистрирована, как трансдисциплинарная сфера в приказе Минобрнауки России от 24 февраля 2021 г. № 118¹, где дается список новой номенклатуры научных специальностей. Под № 5 указаны социальные и гуманитарные науки, далее конкретизирующиеся в определенных направлениях (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени (воспроизведено: [по 6])

5. Социальные и гуманитарные науки

5.9. Филология	5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации	Филологические
	5.9.2. Литературы народов мира	Филологические
	5.9.3. Теория литературы	Филологические
	5.9.4. Фольклористика	Филологические
	5.9.5. Русский язык. Языки народов России	Филологические
	5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)	Филологические
	5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология	Филологические
	5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика	Филологические
	5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика	Филологические
5.12. Когнитивные науки	5.12.1. Междисциплинарные исследования когнитивных процессов	Философские Психологические
	5.12.2. Междисциплинарные исследования мозга	Психологические Биологические Медицинские
	5.12.3. Междисциплинарные исследования языка	Философские Филологические Психологические
	5.12.4. Когнитивное моделирование	Философские Физико-математические Технические

Как видно из таблицы, в новой номенклатуре впервые обозначены под шифром 5.12 Когнитивные науки, к коим отнесены философия, психология, филология, биология, медицина, физика и математика, технические дисциплины — те, которые вместе должны и дальше познавать взаимодействие мира с человеком. Другими словами, данное законодательное нововведение официально объявляет

¹ Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций: приказ Минобрнауки России от 24.02.2021 № 118 (ред. от 24.07.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_381578/ (дата обращения: 15.09.2023). Текст: электронный.

директиву о необходимости объединяться наукам в полидисциплинах, тем самым реализовывать междисциплинарные стратегии исследования.

Что касается укрупненной области знания Филология, в 5.9.5. Русский язык сопрягается с Языками народов РФ; 5.9.8. объединяет Теоретическую, прикладную и сравнительно-сопоставительную лингвистику. Однако сопряжение не означает непременно включение в одно исследование всех составляющих специальности как изолированных областей: оно указывает на необходимость учета их взаимодействия.

Основания появления данного приказа отсылают к семиотике выдающегося мыслителя современности Юрия Лотмана, опередившего время своими глубокими воззрениями на нашу лингвистическую науку, где первопричины интеграции наук опосредованно сформулированы во многих трудах. Его идея о том, что «колоссальный скачок в область мысли, сопровождающийся резким повышением устойчивости и выживаемости в окружающем мире, требовал новых открытий, которые помогли бы справиться с трудностями, создаваемыми сознательным существованием» [5, с. 44], как будто подтверждает немного запоздалый приказ, опосредованно рекомендующий, КАК изучать Homo Significans, Homo Loquens Homo Loquens — человека означающего, говорящего и играющего, в одном лице представляющего Homo Sapiens — человека разумного, т. е. думающего.

На первый взгляд, может показаться немного странной идея представлять необходимость глубже рассматривать язык со столь сложных позиций в журнале, посвященном школьным проблемам языка и литературы. Однако в своем стремлении «лучше перебдеть, чем недобдеть» я исхожу из того, что сложному мышлению лучше учить сызмальства. В случае с филологией это значит, что школьнику целесообразно понимать многогранность и неоднозначность встречи мысли со словом, бурятским, русским или английским, уже с начальных классов. Пока мы ждем от ребенка достижения матерости ума (часто из-за беспокойства, что «маленький» мозг нельзя перегружать), может оказаться поздно: там, где активировался пластичный ум, можно уже обнаружить отсутствие любознательности и праздную волю.

Цель данной работы — представить физико-психологический семиотический ракурс языка как моделирующего культуру инструмента в рамках работы Ю. М. Лотмана «Феномен культуры» и проиллюстрировать данную концепцию материалом из бурятского языка, который, будучи релевантно контекстуализированным, продемонстрирует язык как культуру именно в понимании данного автора. Для реализации цели использованы следующие *методы*: наблюдение, индукция и дедукция, интроспекция, категоризация, концептуальный анализ, экстраполяция и инференция, дискурсивный анализ.

Юрий Лотман. Семиотика моделирующего культуру языка

Вначале напомним, что семиотика рассматривает язык не с сугубо формально-лингвистической позиции: наравне с традиционной системой языка, которая внутри когнитивного пространства человека образует видовые разветвления по функционированию, она также фокусируется на невербальных знаках разной природы, прежде всего на коде, связанном с мыслительным процессом субъекта. У Юрия Лотмана пойдет речь именно об этой семиотике, кратко излагаемой в произвольно названных мной шести разделах (выделены курсивом).

Механика и осознанное творчество

Начнем с комментария автора по поводу словесного знака и его взаимосвязи с учебными правилами конструирования грамотных предложений. *Можно ли утверждать, что в каждом случае человек производит новое сообщение? В чем разница между старым и новым текстом?* Согласно автору, мыслящий человек — это тот, кто «может:

1) хранить и передавать информацию (имеет механизмы коммуникации и памяти), обладает языком и может образовывать правильные сообщения;

2) осуществлять алгоритмизированные операции по правильному преобразованию этих сообщений;

3) образовывать новые сообщения» [5, с. 34].

Разграничиваются старые и новые сообщения по следующим основаниям: первые — это тексты как продукты механического использования правил, вторые — это «неправильные» тексты, потому что относительно них предполагается не проверка памяти на предмет знания правила, а «презумпция осмысленности». Это значит, новые сообщения «не возникают в результате однозначных преобразований ... путем автоматического приложения заранее заданных правил трансформации», а в результате активации «только творческого сознания, способного вырабатывать новые мысли. А для реконструкции творческого сознания необходима модель принципиально иного рода» [Там же, с. 34, 35]. Другими словами, научившись применять правила как технический этап усвоения языка, говорящий или пишущий далее должен выйти на уровень выше в направлении развития сложного мышления, т. е. интеллекта.

У замечательного философа Людвиг Витгенштейна есть похожая мысль о том, что означает «... обнаружение путей, которыми повседневный язык ведет к заблуждениям», т. е. это «заняться проблемой значения и мысли и, далее, заниматься борьбой «против зачаровывания нашего интеллекта средствами нашего языка» [3, § 109].

Для нас это значит, что дети не должны обучаться лишь механике воспроизводства правил: после их закрепления в памяти следует ставить задачу осознанного творчества, например, использования их в иной последовательности элементов, выявления сдвигов значений в творческом союзе с разными разрядами слов и контекстов и т. д. таким образом, чтобы потребовалось обновленное осмысление будущего высказывания. Резонно здесь привести замечательную мысль Виктора Балдоржиева о концентрации ментальных усилий в момент творческого осмысления текста: «... в квантовом поле все потенциалы-энергии существуют незримо и одновременно, но каждая из них может быть активизирована сфокусированным вниманием» [1].

Для иллюстрации возьмем категорию времени. Наблюдения свидетельствуют о том, что в не окрепшем умом сознании время представляется как универсальная физическая величина, схематически изображаемая как простая горизонтальная прямая слева направо — из прошлого в будущее. Машинально применяя морфологические формы *-на, -даг, -аа* и др., учащиеся вкладывают в предложения именно эту аналогию, не осознавая концептуальное различие бурятского способа осмысления времени-пространства в отличие от русского или, скажем, китайского.

Ср. (1) *Саг үшөө эртэ байна*. 'Еще рано'. *Саг орой байгаа / байба*. 'Было уже поздно'.

(2) *Хойто наһандаа жаргалтай байг, урда наһандань олон гашуудал байгаа*. 'Пусть будет счастлив в будущей жизни, в прошлом у него / у нее было много горестей'.

Как видно из иллюстраций, способствуют концептуальному осознанию традиционного осмысления времени лексические индикаторы *хойто*, *урда* в (2), которые при соответствующей постановке учителем коммуникативной задачи заставят обучающегося самому получить выводное знание о том, что в картине мира бурят время осознавалось в тесном сплетении с пространством-природой и в согласии с этим то, что видится, — это прошлое, что необозримо за спиной — будущее, т. е. время движется справа налево как пространственно-временной континуум (*үе* 'время, период, цикл, поколение' vs. *үе* 'сустав'). Сравним с традиционной бурятской ментальной схемой другие культуры: в китайской осознание времени-пространства представляется вертикальной линией(*上個月 shàngge yuè* '(вверх) в прошлый месяц'), в английской — горизонтальной слева направо(*the week before* 'неделю назад').

Таким образом, кратное механическое — неосмысляемое вкуче с концептуальной семантикой — применение правил конструирования текстов ведет к закреплению неаутентичных моделей ментального поведения и к формированию иллюзии сходства культур, соответственно, тождества речевых моделей как внутри языка, так и в межъязыковом пространстве, что далее может приводить к расширению норм речи под русские нормы речи.

Ср. *Дети — наше будущее*. 'Хүүгэд — манай ерээдүй.' ('Наши дети еще не пришли (?!)). Здесь речь идет о пословном переводе русского синтаксиса, в итоге смысл переданного сообщения автоматически меняется.

Поликод когнитивного пространства субъекта

Далее «обязательным условием любой интеллектуальной структуры является ее внутренняя семиотическая неоднородность», мыслящий человек не может быть монокодовым — «одноструктурным и одноязычным» ///, потому надо осознавать присутствие в когнитивном пространстве межкодовых взаимодействий разных семиотических образований, например, как осуществляется внутренний перевод с естественного языка на язык, к примеру, иконической живописи XIX в. При этом сосуществование словесно-дискретных и иконических языков является минимальной семиотической структурой, где вторые в отличие от первых не складываются в линейные последовательности, а находятся «в отношениях гомеоморфизма»¹. Например, межсемиотическое соответствие «осень~вечер~ ста-

¹ Гомеоморфизм — «взаимно однозначное соответствие между двумя топологическими пространствами, при котором оба взаимно обратных отображения, определяемые этим соответствием, непрерывны» в видоизменениях [URL: <https://bigenc.ru/c/gomeomorfizm-492af2?ysclid=lvrlhts0dau553213555> (дата обращения: 25.04.2024)]. У Ю. Лотмана представлен следующий пример: «То, что в пересказе на языке линейного мышления превращается в последовательность, в мифологическом мире представляет бытие, располагающееся на концентрических кругах, между которыми существует отношение гомеоморфизма [5, с. 37].

рость» представляет собой взаимоподобные символы, состоящие из знаков разного семиотического кода во внутреннем пространстве человека.

К примеру, в основе мифологического сознания лежит «Единый Объект», однако в нем просматриваются объекты во всем разнообразии, заставляя «видеть в разнообразных явлениях реального мира знаки Одного явления» [5, с. 37]. Следовательно, современные тексты мифов — это переводы мифологического сознания на словесно-линейный язык, т. е. они представляют собой не сам миф, а трансформацию с одного семиотического кода языка на другой, которые вкуче моделируют картину и структуру мира индивида, будучи в постоянной внутренней борьбе.

Конечно, данный пункт семиозиса о коллизиях внутренних кодов языка описан многими исследователями. Приведем слова К. Ф. Седова на этот счет: «Ход превращения мысли в слово предстает перед нами как драматический конфликт между личностными смыслами и значениями, которые навязывает говорящему национальный язык» [6, с. 8], или объясним в понятии «внутрисемиотический перевод» [4]. Во второй работе идет отсылка к известной концепции трех типов перевода Р. Якобсона — внутриязыковой, межязыковой и межсемиотической, из которых только второй тип указывает на известный перевод с одного языка на другой, например с бурятского на английский. Внутриязыковой перевод на простом уровне можно объяснить как перефразирование на том же языке, межсемиотический — как передачу вербального текста невербальным кодом, или наоборот. Введенный мной в научный оборот недостающий четвертый тип — внутрисемиотический перевод — в большей части описывает то, о чем пишет Ю. Лотман на языке культурной философии: каким образом происходит интерпретация своих и чужих мыслей в ходе конкретного речемышления.

Конечно, детям сложно понять, из чего состоит сознание, каким образом оно функционирует, однако они точно поймут то, что слова как внешний инвентарь передают мысль как внутреннюю — ментальную — сущность, что они реально отделены друг от друга, что мыслительный процесс происходит не в пустом, а в наполненном знаниями об опыте жизни когнитивном пространстве. Поскольку у каждого опыт разный, значит, нет абсолютно универсальных схем в структуре мозга, однако в рамках одной культуры есть близкое или схожее осмысление, например, ценностей, часто называемых концептами. Все сказанное и есть в упрощенной форме поликод когнитивного пространства, для осознания чего целесообразно осуществлять также в упрощенном виде внутрисемиотический перевод.

В качестве иллюстрации возьмем в сравнении концептуальные основы, которые служат триггерами или основой мыслительной деятельности, к примеру, ЭЖЫ — АБА vs. МАМА — ПАПА, САГААЛГАН vs. НОВЫЙ ГОД, БУЯН — СЭДЬХЭЛ vs. ДОБРОДЕТЕЛЬ — ДУША и т. д. Подробный разбор их концептуально-символической семантики даст учащемуся понять базовую разницу содержания предложений, где использованы данные концепты (на первый взгляд, они выглядят рядовыми словами), и формировать различные фрагменты внутренней картины мира представителей двух народов. Подобным образом мы учим наше молодое поколение осознавать основы цивилизационного мышления предков, в противном случае мировоззренческие сдвиги обретут необратимый процесс.

Сказанное логично связано с идеей Ю. Лотмана о том, что мир детского сознания является преимущественно мифологическим, которое в дальнейшем во взрослом состоянии «продолжает функционировать как генератор ассоциаций и один из активных моделирующих механизмов» [5, с. 38], соответственно, нельзя игнорировать данную первопричину, если ставится задача понять физическое и ментальное поведение человека. Получается, что текст как продукт алфавитного языка, который Лотман называет языком линейного мышления, вторичен по отношению к недискретному знаку (*читай*: к концептуальным структурам), который не распадается дальше на знаки. Здесь возникает интересный вопрос о статусе иероглифических языков, которые основываются на иконических и индексальных знаках.

Роль метаязыка в становлении и развитии интеллекта

Если субъект хочет или обязан стать интеллектуальным существом, он осваивает сложные процессы: «Мыслящая структура должна образовывать личность, т. е. интегрировать противоположные семиотические структуры в единое целое (выделения мои. — П. Д.). Противоположные тенденции должны сниматься в некотором едином структурном целом» [Там же, с. 39]. Подобная интеграция подразумевает механизмы двух родов:

1) использование метаязыка, т. е. описывать два различных языка так называемого «семиотического дуализма культуры» как один, при этом «акцентируя внимание на то, что в таком описании подчеркивается», отбрасывается несущественное (здесь на помощь субъекту приходит способность системы самоорганизовываться как автометаописание);

2) «может иметь место далеко идущая креолизация этих языков», т.к. «принципы одного из языков оказывают глубокое воздействие на другой, несмотря на совершенно различную природу грамматик» [Там же, с. 40].

Первый пункт о метаязыке можно объяснить, к примеру, ситуацией чтения. В воспроизводстве прочитанного (как продукта письменного вербального текста) вследствие понятого, которое обретает форму мыслей (невербального семиотического кода), мыслящий человек прибегает к языку «второго порядка», на котором он либо творчески преобразовывает два кода в свой естественный язык с соответствующим синтаксисом и подбором слов, либо склоняется к тому, чтобы пере- или воспроизвести фрагменты письменного кода языка (что, несомненно, легче, чем полностью перефразировать¹). Это значит, что субъект производит речь как метаописание, а «последние чаще всего возникают на основе какого-либо одного из языков-компонентов, игнорируя другой (другие)» [Там же]. В качестве примера автор приводит современный русский язык, который функционирует как *смесь* по существу различных языков — устного и письменного, однако в момент говорения субъекту эта дифференциация остается незаметной: в процессе толкования текста на уровне метаописания письменная форма языка отождествляется с языком как таковым (в нашем примере — второй способ).

На мой взгляд, очень удачным видом развития интеллектуальной структуры ребенка, оптимизирующего само обучение языку, является прозаическое метаописание стихотворного текста народной песни. Здесь решается задача «4 в 1»:

¹ Данную операцию принято называть внутриязыковым переводом — типом семиотического творчества, который развивает аналитическое мышление субъекта.

помимо обозначенной установки освоения взаимосвязи частей поликода фольклорная песня знакомит с ценностными артефактами бурятской культуры, традиционно выражаемыми, в частности, в рефрене концептуальной метафоры ПРИРОДА — ЛЮБОВЬ (к родителям / к другому), далее она учит воображать и ощущать зов предков, соответственно, быть частью культуры, а также развивать еще один код языка — музыкальный.

Рассмотрим текст народной песни «Сүхэ гол», где слова, представляющие значимость как материальные и идеальные артефакты, выделены полужирным шрифтом:

Хүрэгстэл алтан дэлхэй дээрэ
Хүндэлэн урдаа Сүхэ голной.
Хүринхэн алаг зүрхыем
Хүдэлгэн байдаг **хүнэй ганса**.

На уровне метаописания ученики выполняют перефразирование разных уровней — от простого синтаксического преобразования, далее к более сложному сообщению как к описанию ситуации кочевья предков вдоль реки Чикой и, если получится, к интерпретации глубинного смысла донесения в виде развернутого текста-рассказа с дешифровкой аналогии реки и сердца.

Представляю три варианта своего перевода данного текста на русский язык, которые можно назвать результатом мыслительных метаописаний и расположить их также по принципу возрастания усложнения: дословный, адекватный-1 и адекватный-2:

(1) Чикой река. Народная песня
На почвенной золотой земле
Поперек тек наш Чикой-река.
Коричневое пестрое сердце моё
Приводит в движение одна из людей.

(2) Река Чикой
На плодородной золотой земле
Вширь течет наш Чикой.
Мое сердце багровое лишилось покоя:
человеческого рода она.

(3) Сүхэ-гол
Течет Сүхэ-гол величаво,
Лаская землю, не спеша,
Заставляет сердце трепетать
Та, из рода хуннов: она одна.

Как видно, нарастание степени адекватности предполагает также учет в переводческом процессе нормы и узуса языка-цели, что достигается в последнем тексте: вариант перекодирования в определенной степени согласуется с дискурсивными традициями русского стихосложения, однако русский слог не мешает выразить бурятскую мысль — воспевание неспешности действий, в т.ч. сдержанности и иносказательности в выражении чувств. *Хүнэй ганса* — всего лишь 2 простых слова, но в них отражен холизм мировидения, диктующий особый способ речевого поведения, в частности, иносказательного признания в любви.

Динамика поляризации «новых» языков

Далее комментарий Ю. Лотмана касается языка киноискусства, когда технические ограничения начали требовать коротких текстов, т. е. сознательной ориентации на «неправильную речь» с акцентированной косноязычностью — разговорную речь в «природном виде», в т. ч. сленг, эллиптированный разговорный язык¹.

Ю. Лотман отмечает здесь наличие «в толще культуры» двух противоположенных процессов:

1) постоянное дивергентное расщепление каждого культурно активного языка на два, в результате чего общее число языков лавинообразно растет (ср. мем-язык современных мессенджеров), при этом каждый новый язык «представляет собой самостоятельное, имманентно замкнутое в себе целое» [5, с. 41];

2) конвергентный процесс, когда та или иная пара языков начинает интегрироваться в целостные семиотические образования: один язык «выступает одновременно и как самостоятельный язык, и как подязык, входящий в более общий культурный контекст», подтверждая исходную асимметрию основы культуры. Примером служит *художественная проза* <==> *поэзия*; *нехудожественная проза* <==> *художественная проза*.

Здесь иллюстрацией может служить межжанровый подязык «Сагай уларил’ ‘прогноз погоды’» интернет-радио «Буряд ФМ».

Ср. *Хэбэд номхон Хэжэнгэдэ саһан орохогүй. Аглаг һайхан Агада саһаар бордоһолхо*. ‘(По информации синоптиков, в Кижинге снег не ожидается, ожидается — в Аге, местами не исключены снежные вьюги)’.

Интерязык наглядно показывает бурятско-русскую дискурсивную асимметрию: русский вариант создан в соответствии с жанрово-композиционными требованиями к нейтральному стилю описания прогноза объективных признаков предстоящей погоды, который по определению не допускает включения в дискурс фигур речи высокого стиля. Согласно дискурсивному мышлению бурят, наоборот, приветствуется соединение разных, на первый взгляд, функциональных стилей: состояние окружающей среды и циклическая модель восприятия времени-природы, выражаемая тропами олицетворения, представляют собой единую прагматическую направленность, потому восприятие таких иллюстраций не вызывает отторжение в интеллектуальном устройстве мыслящего субъекта.

Сознание как культурная индивидуальность: к основаниям отрицания абстрактного инвариантного человека

Интересна мысль автора о том, что каждую интегрированную семиотическую систему языков можно назвать мыслящим устройством и культурной индивидуальностью. В толковании этого процесса нельзя отталкиваться от человека как абстрактной инвариантной концептуальной единицы: физико-психологический механизм, равно как и его социальный опыт, внешность, характер и т. д., делают его конкретным, с одной стороны, и отличным от иных представителей — с дру-

¹Как известно, подобный процесс гибридизации и креолизации языка стремительно захватил сегодня инет-коммуникацию, где можно регистрировать наступление во внутреннем устройстве многих субъектов глубинных семиотических преобразований со знаком «←».

гой. «Именно вариативность человеческой личности, развиваемая и стимулируемая всей историей культуры, лежит в основе многочисленных коммуникативных и культурных действий человека» [5, с. 42].

Так, если бы устройства или организмы были одинаковы, они имели бы для внешних раздражений лишь две реакции. Например, он способен «фиксировать по степени освещенности, происходит ли дело днем или ночью», в зависимости от чего включается или выключается лампочка. Такое устройство обладает *все-знанием*, при этом оно, хотя и абсолютно, будет бедным и неэффективным; *отсутствием сомнений и колебаний*, которое как однозначное определение вызывает однозначное действие; и *полным пониманием между отправителем и получателем сигнала*, что обеспечивает тождество отправленного и воспринятого текстов. Но все три свойства устройства указывают на отсутствие способности эволюционировать как умения способности выживания, вызванное набором параметров внешней среды «или-или».

Иначе говоря, качественный сдвиг реагирующего устройства возможен только в условиях его превращения в сознание (читай: *осознание творчества*), где функционирует внутренний код с «резервированной пустой клеткой для будущих еще не выделенных и не названных состояний», и «сегментация внешнего мира, дешифровка его состояний и перевод их на язык своего кода перестают быть данными раз и навсегда» [Там же, с. 43]. Введение «пустых клеток» подразумевает обретение сознания в таких характеристиках, как «гибкость, способность саморазвиваться, повышая собственную эффективность, создавая более действенные модели (отображения) внешних ситуаций» [Там же], что означает невозможность дачи автоматического ответа ввиду неперменного присутствия колебаний, т. е. интеллекта.

Парадокс определенного рода заключается в том, что когнитивное умение строить все более действенные модели предполагает одновременное возрастание незнания и неуверенности. Получается, чем глубже мысль, тем большего усовершенствования она требует. Здесь выходом, подсказывающим способ преодоления трудностей, является «апелляция к коллективному разуму, т. е. культуре». Из этого следует известное определение Лотмана: «Культура как сверхиндивидуальный интеллект представляет собой механизм, восполняющий недостатки индивидуального сознания и в этом отношении представляющий неизбежное ему дополнение» [Там же, с. 44].

Получается, когнитивная деятельность каждого отдельно взятого носителя культуры в условиях недостатка информации/знания не только делает культуру культурой, но и способствует ее развитию. Здесь хорошим примером нелогичной, на первый взгляд, прямой пропорции (по мере роста знания незнание возрастает) будет ситуация с квантовой физикой, которая во многом отрицает закон классической физики о том, что объекты обладают конкретными свойствами. Так называемый «парадокс эффекта наблюдателя» состоит в том, что в зависимости от присутствия или отсутствия наблюдающего электроны ведут себя по-разному — как частицы (в случае внешнего наблюдения) или волны (в отсутствие наблюдения).

Любопытно, что данный пример аналогичен речевому поведению участников коммуникации: в прямой беседе с наблюдателем обычно соблюдается принцип

сотрудничества, т. е. собеседники не употребляют резкие слова, которые могут привести к коллизиям и конфликтам, однако в отсутствие наблюдателя участник может и не поспешить на негативную оценку о нем как о третьем лице. Однако принципиальная разница сравниваемых случаев заключается в том, что причины ситуации непостоянства поведения электронов мировой науке пока неизвестны, человеческого — давно известны как физико-психологическая прагматика.

Стереоскопичность знания и культура как коллективный разум

Далее Ю. Лотман логично вводит понятие «стереоскопичность»: не нужно самому «копаться» в той же реальности, а искать и получить иную ее проекцию, переводя ее на совершенно другой язык Другого, например, партнера по коммуникации, представляющего иную модель отображения внешнего мира в сознании¹. Несовпадение и нетождество кодов сознаний и есть развитие культуры, где «теряется третье преимущество простой системы — адекватность взаимопонимания между участниками коммуникации» [5, с. 45]. Как объясняет автор, компенсирует эту неадекватность создание метаязыковых механизмов, вызывающих возникновение общего языка таким образом, что сохраняющие свою индивидуальность партнеры коммуникации объединяются «в мыслящее целое» и включаются «в более сложную индивидуальность второго порядка — культуру», т. е. «надиндивидуальный интеллект» с богатством внутренних конфликтов.

Да, если атомарно рассматривать ментальное поведение отдельно взятого Homo Sapiens как бы изнутри и сравнить с поведением похожего на него по психотипу человека, они будут различаться бесконечным образом. Тем не менее, поскольку мы говорим о надиндивидуальной структуре культуры, рассмотрим пример внешнего поведения, не равнозначного с внутренними концептуальными установками, с одной стороны, однако свойственного большинству представителей описываемого в рассказе поколения бурят (повествуется ситуация начала Отечественной войны):

Түрмэдэ байһан удаан бэдэрһэн Балматаяа уулзабабди.... Эгэшиэ дүү хоёр уулзаад, уг магхан үгэ андалдана. Үнөөхи харуулиан гайхаһан янзатайгаар: «А что так, вроде как совсем чужие». Энэ хүнэй ханагшаар хаа, хүхирэлдөөд лэ тэбэрилдэиэхэ, тишгээд лэ таалалдаха, удаань нёлбоһоо аришаха, шанга шангаар шааганалдаха ёһотой байгаа юм бээ. Тээд яахабиш. Бүглүү бүтүү зантай, мал шэнги шэрхи буряадууд ха юмбибди даа. (Из рассказа Д.-Н. Цырендашиева «Гүлмэрхэн наһанай гэнэдэл»)².

В психологии и лингвокультурологии данный тип речевого поведения описывается как высококонтекстное с точки зрения непропорциональности речевой актуализации соответствующего ментального процесса — способа поведения, обусловленного такими концептуальными категориями, как ПРАВДА / ИСКРЕННОСТЬ (оппозиция связана со степенью манифестации в речи помысленного), ПОРОГ МОЛЧАНИЯ / ПОРОГ ЗНАЧИМОСТИ (параметр — целесообразность вступления в коммуникацию), СТРАСТЬ / ТЕРПЕНИЕ (обусловленность разумностью проявления эмоционально-энергетического раскрепощения).

¹ Здесь в обозначенное мной правило прямой пропорции включается еще одно дополнение: чем выше уровень знания, тем больше возрастает незнание и тем выше своеобразие вступающей в коммуникацию каждой индивидуальности.

² Цырендашиев Д.-Н. Гүлмэрхэн наһанай гэнэдэл // Сэмүүн саг. Улаан-Үдэ, 2012. Н. 276–278.

Здесь интересно мнение Лотмана о том, что «отличие Культуры как сверхиндивидуального единства от сверхиндивидуальных единств низшего порядка (типа «муравейник») в том, что, входя в целое как часть, отдельная индивидуальность не перестает быть целым» [5, с. 45]. Иначе говоря, человеческий разум в целом способен, сохраняя свою индивидуальность, принимать коллективное как свое: дуальность сознания является результатом гибкости мышления, неизменно пребывающего в коллизиях и дилеммах, способствующих росту его интеллекта. Автор уверен, что в результате «вступления» в надындивидуальный интеллект могут возникать внутри одного сознания разные психологические «личности» человека, с одной стороны, при этом отдельные личности одного субъекта (*ср.* рождение смысла вследствие диалога не только между субъектами, но и внутри одного мыслящего у М. Бахтина [2]) активно интегрируются друг с другом в семиотические единства с сильными взаимодействующими внутри связями — с другой. Жизнь кратко доказывает правомерность данного вывода двух великих русских мыслителей.

Заключение

Конечно, в рамках освоения школьной программы ребенок постоянно интеллектуально развивается, благо, что изучаемые дисциплины представляют знания и о физических характеристиках внешнего мира, и об идеальных категориях, не имеющих прямой связи с материальным миром. Однако данный тезис — это констатация ситуации, где мы не объясняем, каким образом этот процесс интегрирования происходит в голове обучающегося индивидуума.

Юрий Лотман предлагает этот другой ракурс — неожиданный фокус изнутри механизма мыслящего творческого субъекта, при этом рассматривается в качестве объекта как раз сфера языка, которая вызывает особый интерес. Поскольку он масштабирует процесс превращения языкового знака в речевое целое в индивидуальном сознании, он вскрывает и процесс противоречивого взаимодействия знаков неязыковой природы, что далее логично выводит его к идентификации языка как культуры (с когнитивной позиции, названной автором «физико-психологическим» различием между людьми).

Основное достоинство подобного масштабирования речемыслительного процесса не только указывает на понимание уникальности засловной семантики, на определение языковой индексальности способов мышления и внутренней картины мира наших предков, на связь их холистического мышления и коллективного сознания, но и заставляет понять, что только в процессе мыслительных усилий в сторону осознания неоднозначного взаимодействия знаков разной природы человек рафинирует и развивает свой интеллект в целом, индуктивное и дедуктивное мышление в частности.

Литература

1. Балдоржиев В. Оригинал — перевод, оригинал-перевод. URL: <https://ok.ru/viktorbald/topic/69719234794781> (дата обращения: 02.03.2022). Текст: электронный.
2. Бахтин М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. URL: <https://lingvotech.com/baxtin?ysclid=lvx935jwmtm565241942> (дата обращения: 29.01.2024). Текст: электронный.
3. Витгенштейн Л. Философские исследования / перевод с немецкого М. С. Козловой // Философские работы. Москва, 1994. Ч. 1. С. 80–130. Текст: непосредственный.

П. П. Дашинамаева. От семиотики языка-культуры к развитию интеллекта. Применим концепцию Юрия Лотмана?

4. Дашинамаева П. П. Внутрисемиотический перевод, или Почему в семиозисе ткань текста становится бледно-серой // *Язык и личность: социокультурные и психологические трансформации: материалы международной научно-практической конференции (Москва, 15–16 декабря 2023 г.) / ответственный редактор С. В. Мыскин. Москва, 2023. С. 190–191. URL: <http://www.psycholinguistic.ru> (дата обращения: 29.01.2024). Текст: электронный.*

5. Лотман Ю. М. *Феномен культуры // Избранные статьи: в 3 томах. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 34–45. Текст: непосредственный.*

6. Седов К. Ф. *Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистический аспекты / под редакцией О. Б. Сиротининой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 179 с. Текст: непосредственный.*

Статья поступила в редакцию 12.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 30.05.2024.

FROM SEMIOTICS OF LANGUAGE-CULTURE TO THE DEVELOPMENT
OF INTELLECT. CAN WE APPLY YURIY LOTMAN'S CONCEPT?

Polina P. Dashinimaeva

Dr. Sci. (Phil.), Prof.,

Translation and Cross-cultural Communication Department

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., 670000 Ulan-Ude, Russia

pdash@bsu.ru

Abstract. The purpose of this article is to present Yu. M. Lotman's view of culture as a physico-psychological semiotic perspective of language and to illustrate the concept with material from the Buryat language-culture. The scholar formulates his concept in “The Phenomenon of Culture” not in the form of generalizations of semiotic activities from the outside, but by delving into the consciousness of the thinking apparatus. The theses forming the essence of the theory are sequentially presented in the six sections highlighted by the author of the review. According to Lotman's viewpoint, an individual's language models culture as individual consciousness with conflicting self-personalities and a lack of knowledge; however, the missing information is acquired through interaction with another and, further, in collective intelligence. The author of the article agrees with Yu. Lotman's concept that only active mental efforts generate and form complex thinking, i.e., intellect, and indirectly addresses the corresponding wish to the learners. Confirmations of the relevance of the theory's postulates are illustrated by Buryat contexts that explicate the cult of the past and an uncritical attitude towards it, particularly in the aspect of the perception of time-nature-space, thereby demonstrating language as culture precisely in Lotman's understanding.

Keywords: language, message, consciousness, thinking — thinking, intellect, individual, superindividual, culture.

For citation

Dashinimaeva P. P. From Semiotics of Language-Culture to the Development of Intellect. Can We Apply Yuriy Lotman's Concept? // *Buryat Language and Literature in School. 2024; 2: 3–15 (In Rus).*

The article was submitted 12.05.2024; approved after review 20.05.2024; accepted for publication 30.05.2024.